

С мясом, купленным в прошлый раз, Янь Цун скромничать не стал. Нарезал граммов сто сочной свинины и быстро обжарил с молодыми стрелками чеснока. Достал он и припрятанные яйца — те самые, что снесли подросшие цыплята Сяо У. Сегодня в меню были два аппетитных яйца-пашот под кисло-сладким соусом. Сяо У никогда не оставляла в гнезде «пустышки», из которых точно никто не вылупится, безжалостно выбрасывая их прочь. Зато те яйца, где зародилась жизнь, Янь Цун никогда не трогал. С наступлением зимы он стабильно получал хотя бы по одной такой пустышке в день — скромное, но очень ценное подспорье для растущего, неокрепшего организма.

Четверо цыплят Сяо У принадлежали к трем разным породам. Две обычные домашние курицы — как раз петушок и несушка. Другие двое — цесарка и бурый фазан. Из этой пары неслась только фазанка, так что в ее половой принадлежности сомневаться не приходилось. Ее яйца были чуть меньше обычных, покрытые мелкими крапинками, но в остальном ничем не отличались, даже по вкусу.

Пожунав этими двумя блюдами и ароматной лепешкой с зеленым луком, он почувствовал себя абсолютно счастливым. На часах было уже начало десятого. И Сыцзя, судя по всему, напрочь забыла, что ее сын до сих пор голоден. Впрочем, Янь Цун ничего другого и не ждал, а потому ничуть не расстроился. Сытый и довольный, под тихое куриное квохтанье и приглушенный писк И-Эр-Сань-Сы, он завернулся в одеяло и мгновенно уснул.

Пожалуй, это был самый долгий и безмятежный сон с момента его перерождения. Когда Янь Цун открыл глаза, стрелки часов показывали половину седьмого утра. По сути, он проспал целые сутки, упустив драгоценное время для работы на ферме. К счастью, срочных дел в пространстве не намечалось, и теперь оставалось лишь ждать нового побочного задания.

Сладко зевнув, он поднялся со своего импровизированного ложа, умылся ледяной водой из ручья у пещеры и наполнил кормушки для зверей. Закончив с утренними хлопотами, Янь Цун покинул пространство.

Умывшись в ванной, он прошел на кухню. Стоило ему переступить порог, как следом появилась И Сыцзя. Заметив сына, она тут же засуетилась:

— Эрбао, проголодался? Подожди, мама сейчас разогреет еду.

Как выяснилось, накануне И Сыцзя принесла из гостей гостинцы. Янь Цун покосился на пластиковые контейнеры, которые она доставала из холодильника. Одного взгляда на меню хватило, чтобы понять: все эти изыски заказывались исключительно под вкусы Янь Сяна. Кое-где сиротливо болталась пара кусочков, где-то соуса было больше, чем самого мяса — классические объедки с чужого праздника жизни. Сам по себе Янь Цун никогда не брезговал доедать вчерашнее, но мысль о том, что ему предлагают помой за балованным барчуком Янь Сяном, вызвала у него стойкое отвращение. К горлу внезапно подкатила тошнота.

И Сыцзя встревоженно обернулась:

— Что с тобой? Нехорошо?

Янь Цун послушно кивнул, решив воспользоваться моментом:

— Да, мутит что-то. На мясо смотреть не могу, сразу наизнанку выворачивает. Мам, я не буду.

На улице можно купить горячий блинчик с яйцом и зеленью — это в сто раз лучше заветренных обедков.

И Сыцзя не заподозрила неладного.

— Но нельзя же голодать. Если не хочешь жирного, тут есть отличные легкие закуски, совсем без мяса.

— Нет, совсем аппетита нет, — Янь Цун вяло покачал головой. — Оставьте лучше брату. Я пойду полежу немного.

И Сыцзя послушно убрала контейнеры обратно. Проводив сына до комнаты, она принесла ему стакан теплой воды. Глядя на то, как мальчик свернулся калачиком на кровати, она искренне поверила, что ему нездоровится.

— Может, все-таки съездим в больницу? — заботливо предложила она.

— Не нужно, — прошептал Янь Цун. — Мне просто надо поспать. Проснусь — и все пройдет.

Едва за матерью закрылась дверь, Янь Цун бесшумно скользнул к замку, заперся изнутри и мгновенно переместился в пространственную обитель. Морить себя голодом он точно не собирался. Да, от мыслей о семействе Янь его воротило, но завтрак — дело святое.

Он быстро замесил простое тесто из двух видов муки и приготовил наваристый суп-болтушку с яйцом и свежей зеленью. Горячее, ароматное блюдо вернуло ему бодрость духа.

«Сегодня И Сыцзя должна уехать на работу в дом Яней, — размышлял он, прихлебывая суп. — Стоит ей порог переступить, как я выберусь в город. Надо осмотреться, прикинуть, как заработать первые деньги»

Что же касается Цзянь Сэня, то на существование этого недоразумения Янь Цун пока просто закрыл глаза.

Однако планам не суждено было сбыться. И Сыцзя взяла отгул у Хэ Юйвэнь и осталась дома, чтобы лично контролировать Цзянь Сэня. Она буквально над душой у него стояла, заставляя

корпеть над школьными учебниками — пусть даже тот ничего не понимал. И Сыцзя была в ярости. Ну как так получается? Росли в одном доме, но Янь Цун — золото, а не ребенок: и послушный, и рассудительный, и рукастый. А ее родная кровь, ее собственный сын — ленивый оболтус, не способный связать двух слов! Чьи гены подвели? Или это она упустила его воспитание? Какая бы мысль ни приходила ей в голову, легче не становилось, и всю свою злость женщина срывала на несчастном Цзянь Сэне.

Раз уж мать осталась дома, Янь Цун не мог надолго пропадать в пространстве — мало ли, зайдет проверить больного. Впрочем, и в своей комнате дел хватало. Он зарылся в изучение кулинарных рецептов и учебных пособий, а заодно решил расспросить Систему о способах заработка.

Пронализировав его ресурсы, Система выдала неутешительный вердикт: легальных способов быстро получить наличные, кроме как выпросить у приемных родителей, сейчас нет. Был, правда, вариант с системным кредитом, но под грабительский процент. Возвращать долг пришлось бы очками опыта, что для Янь Цуна было абсолютно неприемлемо. Опыта у него и так кот наплакал, да и сама идея влезать в долги претила его натуре. Жить в займы он не привык. Он терпеть не мог зависеть от других, а уж оставаться должником Системы — тем более.

Впрочем, Система обнадежила его: за быстрое продвижение по основной сюжетной линии полагались щедрые денежные награды. Главный квест был неразрывно связан с его истинным происхождением. Поскольку по праву рождения он принадлежал к богатой династии, скорейшее возвращение к истокам сулило колоссальные финансовые возможности.

«И как мне запустить этот сюжетный квест?» — мысленно поинтересовался Янь Цун. До этого момента он даже не подозревал, что у Системы есть какая-то квестовая сетка.

[Твоя глубочайшая обида и ментальный якорь в момент перерождения — несправедливо украденная судьба. Твоя генеральная жизненная линия неизбежно сведется к тому, чтобы вернуть себе то, что принадлежит тебе по праву]

Янь Цун мысленно хлопнул себя по лбу.

«Точно! Ну конечно! Побочный квест ведь активировался сразу после того, как я встретил настоящую маму. Значит ли это, что согласие на интервью — тоже часть этой цепочки?»

[Алгоритмы Системы генерируют задачи случайным образом, однако все они так или иначе переплетены с твоей судьбой]

Получив подтверждение своим догадкам, Янь Цун стал ждать визита журналистов с особым нетерпением. К счастью, репортер Цзинь Си не заставила себя долго ждать. Уже этим вечером в квартире зазвонил домашний телефон: женщина представилась и подробно изложила суть своего предложения.

Разумеется, И Сыцзя тут же встала в позу. Визиты полиции и без того держали ее в постоянном напряжении, а перспектива показать приемного сына по телевизору и вовсе приводила в ужас. Что, если мальчишка прославится и сорвется с ее поводка? Опасаясь потерять контроль над послушным орудием, она в резкой форме отказала журналистке, даже не посчитав нужным спросить мнение самого Янь Цуна.

В понедельник напористая Цзинь Си отправилась напрямик в школу Цзянь Цуна. Встретившись с директором и классным руководителем, учительницей Ван, она во всех красках расписала им благородный поступок мальчика.

— Мать Цзянь Цуна категорически против съемок, — сокрушалась журналистка. — Но я разговаривала с самым малым, и он настроен решительно. Я прекрасно понимаю страхи его мамы, поверьте. Но мы гарантируем полную конфиденциальность: изменим голос, скроем лицо. Нам важно показать обществу пример истинного мужества. Возможно, этот сюжет уберет чью-то жизнь от коварных сетей торговцев людьми.

Директор так и сиял — шутка ли, такая слава для школы! Даже если лицо ученика скроют пикселями, все в округе будут знать, в каком заведении воспитывают настоящих героев. А вот учительница Ван все еще колебалась:

— Вы уверены, что его личность останется в тайне? Это ведь дети, слухи расходятся мгновенно.

— Мы берем это под личную ответственность, — твердо кивнула Цзинь Си. — Но в первую очередь нам необходимо услышать самого мальчика.

Во время обеденного перерыва Янь Цуна вызвали в кабинет директора. Стоило ему увидеть за столом Цзинь Си, как в его глазах вспыхнул азартный огонек.

«Моя квестовая цепочка!» — удовлетворенно отметил он про себя, вежливо поклонившись присутствующим:

— Здравствуйте, господин директор, здравствуйте, учительница Ван. Здравствуйте, тетушка Цзинь!

— Проходи-проходи, Сяо Цун, — добродушно помахал рукой директор. — Присаживайся.

Разговор в тишине кабинета вышел на удивление серьезным. Янь Цун твердо стоял на своем: он хочет дать интервью. И вовсе не ради дешевой славы. Мальчик хотел донести до людей простую истину: нельзя слепо верить чужим оправданиям, когда на твоих глазах уводят человека. Услышал крик о помощи — звони в полицию. Прояви бдительность, ведь секундное сомнение может спасти чью-то жизнь. И если с этим справился обычный ребенок, то взрослым это точно под силу.

В его словах звенела искренняя, чистая детская вера в справедливость, но логика суждений была настолько взрослой и выверенной, что возразить было нечего. Цзинь Си смотрела на него с нескрываемым восхищением. За долгие годы работы в криминальной хронике она повидала немало спикеров всех возрастов, но этот мальчик обладал удивительным внутренним стержнем. Журналистка твердо решила довести дело до эфира — такой самородок заслуживал признания и светлого будущего.

Договорившись с учительницей Ван, Цзинь Си решила лично проводить Янь Цуна до дома после уроков. Перед уходом мальчик заговорщицки подозвал репортера к себе и тихонько шепнул на ухо:

— Тетушка Цзинь, обратитесь к дяде Чжао. Если он придет вместе с вами, мама не посмеет отказать.

Журналистка не совсем понимала подоплеку семейных отношений Цзяней, но интуиция подсказывала довериться смышленому ребенку. Тем более что жена начальника Чжао Циншэна была ее близкой подругой — грех не воспользоваться связями влиятельного свояка.

В итоге вечерняя делегация получилась весьма представительной: сопровождать мальчика вызвались сам глава управления Чжао, репортер Цзинь Си и классный руководитель. У школьных ворот это вызвало настоящий переполох. Одноклассники, заметив такую свиту, тут же принялись шушукаться, решив, что прилежный Янь Цун натворил что-то по-настоящему ужасное.

И Сыцзя сегодня вернулась раньше обычного — караулила непутевого Цзянь Сэня у ворот школы, чтобы тот снова куда-нибудь не сбежал. Мать с сыном едва успели переступить порог квартиры, как раздался звонок в дверь. На пороге стоял Янь Цун в сопровождении неожиданных гостей.

При визите начальника Чжао у И Сыцзя внутри все похолодело. Присутствие классного руководителя лишь усугубило панику: в голове женщины закружились самые дурные предчувствия. Кто эта незнакомка рядом с ними? Неужели Цзянь Сэнь опять влип в какую-то грязную историю?

Коротко поприветствовав гостей, хозяйка пригласила всех в гостиную. Цзянь Сэнь, до смерти боявшийся людей в форме, бочком скользнул в свою комнату и плотно прикрыл дверь. Лишь когда в коридоре воцарилась тишина, визитеры перешли к делу.

Едва И Сыцзя поняла, что перед ней та самая настырная журналистка, которая звонила вчера, гнев едва не вырвался наружу. Эта девица мало того что проигнорировала ее отказ и заявила в школу, так еще и умудрилась притащить с собой классную руководительницу и самого начальника управления! Материнский инстинкт И Сыцзя кричал об опасности: она имела полное право оградить своего ребенка от мести преступников. Но Янь Цун не собирался подыгрывать приемной матери.

Прежде чем она успела возразить, слово взял Чжао Циншэн:

— Сестра И, материнское беспокойство понятно, но нужно уважать и выбор самого мальчика. Ребенок — это самостоятельная личность со своими правами и убеждениями, а не живая собственность родителей.

Эти слова прозвучали как хлесткая пощечина. Больше всего на свете И Сыцзя ненавидела подобные рассуждения. Для нее Янь Цун всегда был лишь разменной монетой, удобным инструментом для обеспечения благополучия ее собственного сына. Будем честны: она начала использовать его еще до того, как он появился на свет. В ее глазах дети были личной собственностью, вещами, обязанными служить ее интересам. В прошлой жизни она полностью подчинила себе судьбу Янь Цуна, ведя его от колыбели до могилы по намеченной ею колее. Слышать о «независимости» этого мальчика ей было невыносимо.

Однако устраивать сцену при главе полиции у нее не хватило смелости. Стиснув зубы, она бросила на Янь Цуна красноречивый взгляд, отчаянно надеясь, что тот проявит сыновнее послушание и откажется сам.

Надежды рухнули в одно мгновение. Янь Цун не только не пошел у нее на поводу, но и заговорил о вещах, которые заставили ее опешить. Он слово в слово повторил свою пламенную речь о гражданском долге и спасении жизней. И Сыцзя слушала его, раскрыв рот от изумления. Подобный альтруизм казался ей дикостью, глупой блажью, ведь в ее личном кодексе ценностей понятий вроде «общественного блага» просто не существовало. Но возразить мальчику при свидетелях она не могла — его аргументы звучали безупречно.

Закончив речь, Янь Цун мягко посмотрел на мачеху:

— Я знаю, мама, ты поддержишь меня. Ведь я поступаю правильно, так, как ты меня учила.

— Золотой ребенок! — тут же подхватил Чжао Циншэн, довольно улыбаясь. — Сразу видно — далеко пойдет. Это дело действительно на особом контроле. И руководство областного управления, и телевизионщики хотят сделать из этого случая показательный социальный сюжет. Методы похитителей становятся изощреннее, гражданам необходима встряска. К тому же мы готовим документы на представление Цзянь Цуна к почетной грамоте за мужество и героизм. Сама понимаешь, с такой характеристикой ему будут открыты двери в любые престижные вузы.

Упоминание перспектив мгновенно запустило в голове И Сыцзя расчетливый мысленный процесс.

«Постойте-ка... — осенило ее. — Если этот мальчишка получит официальную награду за благородство, Хэ Юйвэнь примет его с распростертыми объятиями! Такой безупречный статус идеального ребенка сослужит нам отличную службу, когда придет время внедрить его на кухню к Яням»

Эта мысль мгновенно растопила ее лед. И Сыцзя натянула на лицо кроткую, теплую улыбку и заговорила совершенно иным тоном:

— Что ж, раз у моего мальчика такое чуткое и храброе сердце, мне, как матери, грех стоять на пути у доброго дела. Я согласна. Однако мне необходимо обсудить все детали с мужем. Мы делим ответственность за воспитание поровну, так что последнее слово мы должны принять вместе.

<http://bllate.org/book/20137/2145227>